

Inaugural Lecture
Вступительна лекция

О СМЕШАННОМ ХАРАКТЕРЕ ВСЕХ ЯЗЫКОВ¹

И. Бодуэн де Куртене
Санкт-Петербургский университет

Обыкновенное понимание «сравнительной грамматики славянских языков» или же «сравнительной грамматики ариоевропейских языков» основывается на предположении чистоты языков, на предположении, что жизнь языков состоит в беспрерывном и невозмутимом течении по разным направлениям одного и того же первоначального строя и состава, без постороннего вмешательства. Действительно, даже такие капитальные сочинения, как «Grundgriss der vergleichenden Grammatik» Brugmann'a и Delbrück'a, производят подобное впечатление. Они и основаны на нескольких десятках «корней», или же групп, этимологически родственных слов. Загляните, однако же, в любой словарь такого, по-видимому, чистого или ариоевропейского или славянского языка и убедитесь, что в нем гораздо более слов или просто усвоенных, или же загадочных и темного происхождения, так что слов, годных для «сравнительной грамматики» в ходячем смысле этого слова, окажется, весьма немного. Это, конечно, ничего, если знать, что обыкновенно «сравнительною грамматикою» не исчерпывается весь язык, что «сравнительная грамматика» не дает знания всего состав исследуемых языков. Но многие как будто не знают об этом и считают положение о безусловной чистоте языков чуть ли не догматом языковедения. Они, правда, допускают возможность заимствования чужих элементов, но вместе с тем прибавляют, что основная природа данного языка остается неизменной. Так, например, хотя и не могут отрицать того, что в английский язык вошло много романских элементов, тем не менее утверждают, что все эти чужие элементы совершенно ассимилированы, не нанося ни малейшего ущерба чисто германской основе этого языка. А раз подобное утверждение высказано каким-нибудь авторитетным ученым, оно затем и повторяется целою толпою подражателей.

Известно, каким тормозом для развития самостоятельных и согласных с истиной взглядов на природу отдельных языков являлись и являются до сих пор почерпаемые из иностранных грамматик учения, даже на собственной почве уже устарелые и основанные на неточных наблюдениях и на смешении понятий.

Как иногда «общественное мнение» данной науки в известной стране оскорбляется поведением людей, решающихся отдалиться от ходячих мнений и взглянуть на предмет без предубеждений и предвзятых идей, доказывает пример, почерпнутый из истории русской грамматики. Тридцать пять лет тому назад Н. П. Некрасов в своем сочинении «О значении форм русского глагола», Санкт-Петербург, 1865, сделал попытку отнести самостоительно к русскому глаголу; но его перекричали и накинулись на него с ожесточением. Как-де посмел он, будучи только русским, взглянуть собственными глазами на факты русского языка и видеть в нем то, что в нем действительно есть, а не то, что ему навязывается по шаблону средневековых латинских грамматик. Своеобразное «западничество», вызванное, конечно, опасением, что в случае принятия учения Некрасова придется пошевелить мозгами, а ведь «*Denken ist schwer und gefährlich!*». Лучше убаюкивать себя повторением чужих мыслей, — лишь бы только не тревожить!», лишь бы только не тревожить!

Не думайте, однако ж, господа, что, делая это замечание, я, наподобие подражающих немецким мечтателям так называемых «славянофилов», ратую на какую-то особую самобытность русского или же славянского ума. Я говорю так именно потому, что не признаю национализации логики, а признаю одинаковые законы человеческого мышления вообще. Нет ни европейской, ни американской, ни французской, ни английской, ни немецкой, ни русской, ни польской науки, а есть только одна наука, наука общечеловеческая. И именно поэтому я полагаю, что право научных открытий и обобщений не взято в аренду западноевропейскими учеными, что и в головах русского или польского происхождения могут возникать самостоятельные мысли и что нет ни малейшей надобности быть покорным рабом так называемой «европейской науки» и повторять бессмысленно и без всякой критики заимствованные из нее положения.

Каждый из нас обязан смотреть собственными глазами. Если же взглянем собственными глазами на вопрос о смешении или несмешении языков, должны будем согласиться, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни как физической, так и психической. Смешение замечается уже в развитии языка индивидуального, при усвоении ребенком языковых ассоциаций, необходимых для возникновения самостоятельной индивидуальной языковой жизни. На ребенка влияют окружающие, его родители и другие близкие лица. У каждого из этих лиц есть свой особый язык, отличающийся непременно, хотя бы только в минимальных размерах, от языка других лиц. И вот, под влиянием этих разных индивидуальных языков, происходит образование нового индивидуального языка, в котором почти всегда в случаях разногласия дано будет предпочтение особенностям, легче усваиваемым и требующим меньшего напряжения.

Так, например, если в русской или польской семье хотя бы только одно лицо произносит ё вместо л или же заднеязычное («гортанное») р вместо р переднеязычного, у детей этой семьи в большинстве случаев является склонность именно к такой же звуковой подстановке: ребенок станет тоже произносить ёа вместо ла и ра (с р заднеязычным вместо ра (с р переднеязычным).

Посредством браков происходит смешение языков семейных, вследствие же столкновения племен и народов – взаимодействие, взаимное влияние и смешение говоров и затем, в более обширных размерах, смешение целых языковых областей и племенных и национальных языков.

Народы и племена жили и живут в непосредственном соседстве или же вперемешку. На междуплеменных и международных рубежах появляется по необходимости полиглотизм, ведущий к смешению языков.

Кочевая жизнь, военные походы и военная служба вообще, похищение женщин и рабов у враждебных племен, затем торговля, научный обмен и т. д. – все это факторы, способствующие смешению языков.

Кажется, не подлежит сомнению, что в известную эпоху в Восточной Европе славяне жили вперемешку с финнами, как это до известной степени продолжается и по настоящее время; что в других частях Европы финнам приходилось смешиваться с племенами германскими и литовскими; что в Средней Европе славяне жили вперемешку с немцами; что кельты, рассеянные по всей почти Европе и Малой Азии, должны были подвергаться влиянию самых разнообразных народов другого происхождения и с своей стороны влиять на их языки; что арийцы восточной Индии жили вперемешку с народами так называемой дравидийской отрасли; что в Западной Европе племена, родственные нынешним баскам, сталкивались постоянно с племенами кельтскими, романскими и т. д. Язык подвижного цыганского племени, кочующего, собственно, до сих пор, должен набирать в себя самые разнообразные элементы. Еврейское же народонаселение, живущее сообща вместе с разными иноязычными племенами, должно подвергаться влиянию языков своих сограждан и с своей стороны производить на них более или менее значительное влияние.

Но не только в порядке географическом и территориальном происходит скрещивание и смешение языков, оно происходит тоже в порядке хронологическом. Старый язык, сохраняющийся как язык церкви, язык обрядов и освященных преданием формул и выражений, влияет на живой язык данного времени, подвергаясь тоже влиянию с его стороны. Достаточно указать на подобное взаимодействие между языком новолатинским и разными языками романскими или же на взаимодействие между разными видоизменениями церковнославянского языка, и нынешними южными и восточными языками славянскими.

В некоторых случаях мы можем с помощью исторических документов показать, как слагался смешанный язык, т. е. язык, правда, с преобладающим элементом известного племени, но все-таки со значительными видоизменениями под влиянием языка племени, лингвистически ассимилированного. Благодаря знаменитому исследованию пастора Биленштейна²⁾ мы имеем возможность проследить образование латышского языка, принадлежащего, правда, к балтийской, или аистской, семье ариоевропейских языков, но представляющего в своей фонетике, морфологии и т. д. неизгладимые следы финского влияния.

Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюрко-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим последним. Так, например, в склонении отражение в армянском языке мира внешнего, физического, пространственного происходит большей частью на татарский лад (падежи Locativus, Ablativus, Instrumentalis), отражение же отношений общественных является продолжением форм ариоевропейских (Genitivus, Dativus, Instrumentalis). Особый, определенный суффикс множественного числа, очевидно, заимствован, если не из татарского, то не всяком случае и не из ариоевропейского источника. Потеря родовых различий и отсутствие сексуализации всего мира могут быть объяснены тоже только «чужим», не ариоевропейским влиянием. Вопрос об этническом составе армянского языка осложняется еще следующими соображениями: во-первых, исторически известно что в армянском народе потонуло много евреев и других семитов населявших некогда армянские города, так что мы должны принять влияние на армянский язык тоже семитических элементов; во-вторых же, не может оставаться без заметных следов на характере армянского языка совместное пребывание армян с другими кавказскими народами, прежде всего с грузинами.

Образование романских языковых областей из народных латинских говоров под влиянием иноплеменных народов можно тоже проследить исторически.

В последние века образовались пограничные смешанные говоры в тех местах, где китайцам приходится сноситься с европейскими народами. Таково, между прочим, кяхтинское, или маймачинское, наречие русского и вместе с тем китайского языка; таковы же международные говоры английско-китайский и португальско-китайский³⁾. В последние же десятилетия изобратились искусственные смешанные языки, долженствующие-де служить органом международного общения всех народов земного шара: Volapuk, Esperanto, Bolak.

Влияние смешения языков проявляется в двух направлениях : с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка. При его содействии происходит гораздо быстрее упрощение и смешение форм, устранение нерациональных различий, действие уподобления одних форм другим (действие «аналогии»), потеря флексивного склонения и замена его сочетанием однообразных форм с предлогами, потеря флексивного спряжения и замена его сложением однообразных форм с представками местоименного происхождения и вообще с разными вспомогательными частицами, потеря морфологически подвижного ударения и т. д.

При столкновении и взаимном влиянии двух языков, смещающихся «естественному образом», победа остается в отдельных случаях за тем языком, в котором больше простоты и определенности. Переживают более легкие и ясные в своем составе формы, исчезают же более трудные и нерациональные. Итак, если смешиваются два языка, в одном из которых существуют родовые различия, в другом же этих различий не имеется, то всегда в языке, остающемся как результат смешения, произойдет или полное исчезновение, или же но крайней мере ослабление этих родовых различий. Если только в одном из смещающихся языков имеется член (*articulus*) или же личные притяжательные суффиксы (т. е. суффиксы, означающие принадлежность предмета или лица известному лицу: «мой», «твой», «его», «ее», «наш», «ваш», «их»), то гораздо более вероятно, что этот «аналитический», или децентралистический, признак привьется языку, являющемуся результатом смешения, нежели наоборот.

То же самое относится и к перевесу смежных языков в «борьбе за существование»: победа остается за языком, легче усваиваемым и требующим меньшей затраты энергии, как физиологической, так и психической. Так, например, в местностях, где румыны живут бок о бок с немцами или славянами, языком преобладающим, языком междуплеменного общения является язык румынский; и это понятно, так как язык румынский легче усваивается немцами и славянами, нежели наоборот. Точно так же, вследствие относительной легкости татарского языка в сравнении с языком русским, представляющим гораздо более трудностей, языком междуплеменного общения между крестьянами русского и татарского происхождения в пределах России является обыкновенно язык татарский. Конечно, это имеет место только при так называемом естественном ходе вещей, при отсутствии сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам.

Обозревая, затем, весь славянский языковой мир, мы замечаем в нем довольно много вполне определенных случаев языкового смешения. В одних случаях это смешение совершается именно теперь, мы его наблюдаем *in actu*; в других же случаях имеем дело с результатами совершившегося когда-то смешения.

Именно теперь совершается, между прочим, взаимное влияние русского литературного языка и разных говоров, как великорусских, так и малорусских, равно как и языка польского во всем его разнообразии, причем вследствие своеобразно сложившихся условий перевес остается, конечно, на стороне языка великорусского. Следует тоже отметить взаимное влияние польской языковой области и области малорусской, польской и чешской, польской и словацкой, польской и кашубской, сербской и болгарской и т. д. Затем, заслуживает внимания взаимное влияние литературных языков славянских и народных славянских говоров, в области которых господствует данный литературный язык.

Романскому влиянию подвержены некоторые крайние полосы юго-западных славянских областей, прежде всего «славяне» в Италии, не только в северной, но и в южной, да, кроме того, славяне, соприкасающиеся с румынами. Сильному германскому влиянию подвержены славяне на некоторых юго-западных и на северо-западных окраинах славянского языкового мира, прежде всего лужичане и поляки в Пруссии совместно с кашубами. Мадьярскому влиянию должны подвергаться славяне Венгерского королевства. В пределах России происходит взаимодействие славянского языкового элемента и разных «инородческих», неславянских: (литовского, латышского, эстонского, татарского, чувашского⁴) и т. д. Английскому влиянию и постепенной англизации должны подвергаться говоры переселившихся в Америку поляков, чехов, словинцев и других славян.

С другой стороны, можем отметить «ославянивание», или славянизацию, иноплеменников. Итак, русские ассимилируют постепенно «инородцев», чехи и словенцы отчасти немцев; происходит частная, хотя и весьма незначительная, полонизация и русификация Литвы и т.д.

Что же касается готовых результатов совершившегося языкового смешения, то мы можем здесь назвать разные части немецкой языковой территории, в которых потонули славяне, оставив, однако же, более или менее заметные следы своих языковых особенностей в усвоенных ими немецких говорах. То же самое можно сказать о некоторых частях романской языковой территории, в которых живут потомки ороманившихся славян.

С другой стороны, и пределах, например, Русского государства можно указать довольно много областей, населенных этнографическою смесью из «инородческого» и славянского элемента, в пользу этого последнего. На северо-западе такими являются ославянившиеся части давнишней литовской и

эстонской территории. Польские города были раньше заняты, кроме евреев, по преимуществу выселенцами из немецкой языковой территории; теперь же они более или менее ополячились, но прежнее преобладание в них немецкого элемента должно по необходимости отражаться в языке их нынешнего этнографически смешанного населения.

На наших, так сказать, глазах произошла окончательная словенизация нескольких общин немецких выселенцев, или колонистов, в Крайне и Горице (и горицком графстве): Немецкий Роут (Nemski Rovt, Deutschruth), Корытница (Koritnica), Стержице (Strzisce) и т. д. Еще в первой половине XIX стол. жителям этих деревень был свойствен своеобразный южнопонемецкий говор, находящийся в ближайшем родстве с говорами тирольскими; в семидесятых годах одни только старики могли еще объясняться на этом говоре; их дети, люди среднего возраста, понимали, правда, этот говор, но уже им свободно не владели; самому же молодому поколению было чуждо даже понимание языка его прадедов. Местным общим говором того времени был говор словинский, заимствованный у ближайших соседей, исконных словинцев, но и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе сохранивший явные и неоспоримые следы немецкого происхождения его носителей. Слышанный на известном расстоянии, этот говор производил впечатление говора немецкого — до такой степени немецкою была его фонетика.

Конечно, впоследствии, под влиянием школы, проповеди и общения с соседними «чисто словинскими» деревнями, этот немецко-словинский говор должен был все более лишаться своего немецкого отпечатка, но полное исчезновение этого немецкого отпечатка едва ли возможно.

Имея в виду те и тем подобные случаи исторически доказанного отражения иноплеменных особенностей на основном фоне славянского языкового строя и состава, мы вправе допускать подобное же отражение иноплеменных особенностей и в более обширных областях славянского языкового мира, то есть считать лингвистически смешанными области: болгарскую, славяно-македонскую, верхнелужицкую, нижнелужицкую, великорусскую, малорусскую, словинскую, сербохорватскую и т. д. В незначительной группе резьянских говоров имеются основные особенности, которых никоим образом нельзя объяснить, не допуская постороннего, неславянского влияния. В областях словацкой, чешской и польской есть особенности, напоминающие собою особенности угро-финской отрасли языков. Таковы, между прочим, однообразное ударение, закрепощенное за известным слогом фонетического слова (за слогом предпоследним, как в польском, или же начальным, как в словацком и чешском), свойственное всем этим трем областям, и затем смешение согласных «шипящих» *ш*, *ж*, *ч* и «свистящих» *с*, *з*, *ц* в пользу этих последних, замечаемое в большинстве говоров польской языковой области.

Первоначальное славянское ударение, ударение морфологически подвижное, свойственное не отдельным слогам слова, расчлененного фонетически, но отдельным морфемам или морфологическим (зnamенательным) частям слова, расчлененного морфологически, не могло исчезнуть само собою, доколе существует, первоначальное славянское строение слов, строение, основанное на централизации и сращении в одно синтаксически нераздельное целое отдельных знаменательных частей слова; а такое строение свойственно до сих пор всем диалектологическим разновидностям области словацкой, чешской и польской. Только потрясение, вызванное этнографическим смещением с племенами, неспособными к воспринятию морфологической подвижности ударения, могло произвести потерю этого ударения у лингвистических предков нынешних словаков, чехов и поляков да, кроме того, верхних и нижних лужичан.

Неспособность произносить «шипящие» согласные, свойственная прежде всего большинству польских говоров, повторяется тоже на финской почве, у западных финнов (эстонцы, суоми и т. п.), а не подлежит сомнению, что в прежние времена финские поселения распространялись гораздо более к западу, и весьма вероятно, что известная часть финского племени жила в перемешку с северо-западными славянами. Что финны жили когда-то в перемешку с племенем литовским (балтийским, аистским), доказательством служит образование латышского племени, совершившееся — как я раньше заметил на основании исследований Биленштейна — уже в так называемое историческое время. И действительно, процент так называемых «шипящих» согласных на латышской почве гораздо меньше, нежели на почве литовской; зато в говорах латышских преобладают согласные так называемые «свистящие», гораздо реже встречающиеся к литовскому. Да и дргевние отношения литовского ударения разрушены, очевидно, под влиянием языка потонувших в литовско-латышском море куров и ливов, ближайше родственных ныне существующим эстонцам. Отношения ударения и количества гласных и слогов в латышских говорах весьма схожи с такими же отношениями эстонской языковой области.

Принимая в соображение все только что поименованные случаи взаимодействия славянских и иноплеменных элементов, все эти совершившиеся, совершившиеся и совершающиеся влияния иноплеменных говоров на говоры славянские и, наоборот, говоров славянских на иноплеменные, мы убеждаемся, что идеальный «славист», насколько он занимается языком, должен вполне овладеть языковым материалом не только всех языков славянских во всем их разнообразии, но вместе с тем, с одной стороны, всех тех языков, которые производили или хотя бы только могли производить влияние на славянскую языковую территорию, с другой же стороны, всех тех языковых особей, которые подвергались или же могли подвергаться славянскому лингвистическо-

му воздействию. Конечно, это — только идеал. Я сам весьма далек от него, так как, во-первых, знаком даже с отдельными представителями славянского языкового мира далеко не в требуемом совершенстве, во-вторых же, я вовсе или почти вовсе не знаком с некоторыми иноплеменными наречиями, подвергавшимися влиянию со стороны славян или же производившими на них влияние. Но я подагаю — и это до некоторой степени утешает меня, — что вряд ли найдется ученый, удовлетворяющий всем этим требованиям, то есть знающий все видоизменения славянского языкового материала и вместе с тем все иноплеменные языки, долголетствующие входить в круг занятий идеального слависта-лингвиста.

Понимая весь объем и всю глубину идеальных требований, мы ставим себе более скромную задачу: мы ограничиваемся только известной частью материала, представляемого славянскими языками для ознакомления с этими языками в их взаимной связи; освещая же избранные факты с научной, прежде всего психологической точки зрения, мы будем вместе с тем пользоваться ими для общелингвистических выводов.

Итак, мы будем «сравнивать» языки, будем рассматривать их «во взаимной связи». Но «сравнение» и рассмотрение языков «во взаимной связи» может быть двоякого рода.

Во-первых, мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать развитие языков романских с развитием языков новоиндийских, развитие языков славянских с развитием языков семитических, развитие языка русского с развитием языка коптского, развитие языка английского с развитием языка китайского и т.д. Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строении языка и в эволюционном процессе на той и другой почве. Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений как в области фонетики, так в области морфологии языка, так и, наконец, в области семасиологии, или науки о значении слов и выражений.

Другого рода сравнение языков есть сравнение по историческому родству и по географической, общественной и литературной смежности. Сравнение языков исторически родственных дает начало так называемой «сравнительной грамматике» в ходячем смысле этого слова. На нем основываются: сравнительная грамматика языков ариоевропейских, или индоевропейских, сравнительная грамматика языков семитических, сравнительная грамматика языков угро-финских, сравнительная грамматика языков урало-алтайских, или тюрко-татарских, сравнительная грамматика языков германских, срав-

нительная грамматика языков романских, сравнительная грамматика языков славянских и т. д. и т. д.

Менее обычно сравнение языков по их географической, общественной и литературной смежности, то есть сравнение по их взаимному влиянию в самом обширном смысле этого слова. Географическое соседство, проживание сообща или вперемежку, торговые и другие тому подобные сношения, войны, разного рода культурные влияния, даже на известном расстоянии, как географическом, так и историческом, и т.д. — все это дает основание для создания сравнительного рассмотрения двух или более языков на исторической подкладке. Весьма благодарную тему для лингвистических занятий в этом именно направлении могло бы дать стремление составить сравнительную грамматику языков славянских и балтийских (аистских, литовско-латышских), как представителей ариоевропейской отрасли, и языков угро-финских. Затем, сюда же относятся: сравнительное рассмотрение языков славянских и урало-алтайских (турко-татарских); сравнительное рассмотрение западнославянских групп говоров и смежных говоров немецких вместе с литературным немецким языком; сравнительное рассмотрение некоторых славянских языков и языка мадьярского; сравнительное рассмотрение южнославянских языков и языков румынского, албанского и новогреческого и т. д.

Озаглавив свой курс «Сравнительная грамматика славянских языков в связи с другими языками индоевропейскими», я, конечно, имею в виду сравнительное рассмотрение, основанное на предполагаемом историческом, или генетическом, родстве языков. Здесь берется по преимуществу материал своей собственный, не заимствованный, движущийся во времени и перерождающийся в разных направлениях по прямой линии исторического развития от предполагаемого состояния праариеевропейского и общеариеевропейского и затем от предполагаемого состояния праславянского и общеславянского. Таким образом, нас будет занимать по преимуществу, во-первых, сопоставление тех сторон славянских языков, которые считаются чисто славянскими, с теми сторонами других ариоевропейских языков, которые считаются чисто ариоевропейскими, во-вторых же, построение на этих сопоставлениях общелингвистических выводов.

СНОСКИ

1. Вступительная лекция в курс «Сравнительной грамматики славянских языков в связи с другими языками ариоевропейскими», читанная в Санкт-Петербургском университете 21-го сентября / 4-го октября 1900 г. Начало этой лекции, как имевшее значение чисто личное и преходящее, здесь, в печати, пропускается.

2. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands von Dr. A. Bielenstein. (Mit einem Atlas von 7 Blättern). St.-Petersburg, 1892.
3. По изучению разных смешанных языков великие заслуги оказал науке грацкий профессор Hugo Schuchardt.
4. Обращаю внимание на весьма интересное исследование В. А. Богородицкого «Диалектологические заметки. II. Неправильности русской речи у чуваши». Казань. 1900.

ON THE MIXED NATURE OF ALL LANGUAGES

Abstract. The paper presents the introductory lecture in the course "Comparative grammar of the Slavic languages in connection with other Aryo-European languages", read at the St. Petersburg University on September 21 / October 4, 1900.

✉ **I. Baudouin de Courtena**
Saint-Petersburg University
Saint Petersburg, Russia